

Лина Хоук

**Мой муж – босс мафии
(по средам)**

УДК 82-3
ББК 84-4
X85

Хоук Л.

X85 Мой муж – босс мафии (по средам) / Лина Хоук. – М.: Литнет, 2026. – 224 с.

ISBN 978-5-521-94267-1

В новой роскошной квартире, где еще недавно царили достаток и спокойствие, в одно мгновение рушится всё. Я, молодая мать, стоящая на пороге гостинной с младенцем на руках, с ужасом осознаю: мой муж Грегори поставил на кон не только наше благополучие, но и саму возможность нормальной жизни. Долг. Невообразимо огромный долг не «тем людям». Грег, загнанный в угол, не собирается ни оправдываться, ни исправлять ошибки. В его глазах – только инстинкт выживания. Он готов бежать, бросив жену и ребёнка на растерзание кредиторов, коллекторов и закона. Но я не намерена сдаваться.

Даже если не он... я сама о нас позабочусь!

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-94267-1

© Литнет, 2026

© Хоук Л., 2026

Глава 1

Стекло хрустнуло под каблуком. Грегори не глядя отшвырнул осколки дорогого хрустального бокала в сторону пустого камина. Пьянящий запах дорогого коньяка смешивался с запахом страха. Страх, который висел в нашей некогда роскошной гостиной густым, удушающим туманом. На экране ноутбука застыла цифра. Не просто большая. Не просто огромная. Цифра, перечеркивающая всю нашу жизнь.

– Двести... семьдесят... три миллиона? – мой голос был едва слышен. Я стояла в дверях, бледная, прижимая к груди спящего Эндрю. Малыш мирно сопел, уткнувшись личиком в мое плечо, не подозревая, что наш устойчивый и надежный мир рухнул прямо в этот самый момент.

Грег резко обернулся. Его глаза, обычно такие уверенные, сейчас бегали, как у загнанного зверя. Не было в них ни раскаяния, ни боли за семью. Только животный ужас и расчетливая решимость. И меня это ужасало.

– Да, Лил. Двести семьдесят три миллиона. – Он произнес это почти отстраненно, как будто речь шла о счете за коммуналку. – И это только мои. Основные. Еще кредитки... залогов... займы у знакомых...

Я прислонилась к косяку, будто ноги отказали. Эндрю нахмурился во сне. Я автоматически укачивала его, не отрывая взгляда от мужа. Хочется, чтобы в этот самый момент он просто сказал, что все это шутка. Но он почему-то не говорит.

– Как? – прошептала я, стараясь хоть немного выдавить из себя слова. – Грег, как ты мог? Ты же обещал... после прошлого раза...

У него уже был долг. Там, в прежней жизни. Но это было так давно, и он пообещал, что больше никаких азартных игр, никаких казино и ставок. Выходит... он меня обманул?

– Неважно! – он резко махнул рукой, отрезая любые мои упреки. – Важно то, что здесь, в этой стране, мне теперь конец. Коллекторы, суды... тюрьма, Лил. Тюрьма! И это не самое страшное! Это прямо мечта! Меня найдут и закопают. Прямо живьем. А денег у меня нет.

Он метнулся к сейфу, встроенному в стену за картиной. Быстро набрал код. Металлическая дверца открылась. Внутри лежали пачки денег – жалкие остатки бывшего благополучия, несколько паспортов, ключи от машины. Он говорил, что все это на крайний случай. На черный день. Но сейчас оказывается, что этот черный день почему-то касается его одного.

– Что ты делаешь? – я почувствовала ледяную волну страха, поднимающуюся от пяток к горлу. Не хочется, чтобы мои догадки были произнесены вслух.

– Уезжаю. Сейчас. Пока есть шанс. – Он стал сгребать деньги в дорожной кожаный рюкзак.

«Нет... нет и нет!»

– Наличные, что остались. Пару десятков тысяч баксов. Хватит, чтобы начать где-то заново.

– Уезжаешь? – я сделала шаг вперед, голос сорвался. – А мы? Эндрю? Долги? Эти... а если эти люди придут сюда? Если придут к нам!

Грег замолк. Он на секунду замер, глядя на меня и сына. В его взгляде не было любви. Не было даже жалости. Был холодный, практический расчет. Он всегда был таким? Всегда... смотрел на меня так?

– Ты... ты умная, Лил, – выдавил он, избегая моих глаз. – Разберешься. Квартира... оформлена на тебя. Продашь. Часть долгов покроешь. Остальное... я не знаю. Может, реструктуризация... – Он махнул рукой, словно отмахиваясь от назойливой мухи. От меня. Словно я эта муха. От нашей общей жизни. От нашего двухлетнего сына.

Он подошел ко мне. Я ждала, что он скажет, что это просто шутка. Снова ждала. Ждала, что обнимет и утешит. Но он подошел не для объятий. Протянул ключи от премиального внедорожника, стоявшего в подземном гараже нашей многоэтажки.

– Бери машину. Продашь. Деньги тебе. На первое время.

Он сунул ключи мне в руку.

Я не взяла. Они со звоном упали на паркет, минуя мою руку.

– Ты бросаешь нас? С ребенком? С долгами почти в четверть миллиарда? – Голос мой наконец сорвался в крик. Эндрю тут же проснулся и заплакал. Мой малыш такой беззащитный и испуганный. Не меньше моего.

Грег вздрогнул, но не от плача сына. Он посмотрел на часы и точно опомнился.

– Мне нужно идти. Самолет.

Он бросил последний взгляд на квартиру – на дорогую мебель, на картины, на плачущую меня с сыном на руках. И я увидела в нем только азарт беглеца, почуявшего свободу.

– Прости, Лил. Так надо. Так будет лучше. Для всех. Прощай!

Не прошло и дня после того, как мой мир перевернулся с ног на голову.

Я сидела на кухне, сжимая в руках кружку с остывшим чаем, и пыталась осознать, что все это – не сон. Вчера еще Грегори был здесь, улыбался, целовал меня в макушку перед уходом на работу. А сегодня – пустой шкаф, отсутствующий телефон и зияющая дыра в нашем общем банковском счете.

Это даже смешно повторять. Мой благоверный супруг, нахватав долгов – сбежал куда подальше, оставив меня с маленьким ребенком на руках.

Сейчас у меня много времени подумать.

Я вспомнила, как он в последнее время нервничал, как часто исчезал на «встречи с партнерами», как его телефон, теперь и тогда, замолкал при моем приближении. Но я верила ему. Верила, что он просто устал, что это временно, что ему трудно прижиться в новом городе.

А теперь – тишина.

Нужно было срочно что-то решать. Или они придут за мной.

Я вспомнила их лица – те, что иногда маячили у подъезда, когда Грегори «случайно» оказывался не дома. Хмурые, с холодными глазами. Я думала, что это просто соседи, не придавала этому значения. Конечно, мы ведь переехали совсем недавно! Хотелось в это верить.

Нет.

Не время ныть и плакать.

Время решать.

Я тут же обзвонила всех старых знакомых, работодателя, коллег, надеясь, что удастся собрать хоть какую-то сумму.

«Лили, извини, но у нас самих концы с концами...»

«Ты же понимаешь, праздники на носу, все бюджеты расписаны...»

«Может, в новом году?»

В пик преддверия зимних каникул – почти ни у кого не было денег. На что я рассчитывала?

Да... скоро рождество. А учитывая, что я в этом городе осталась одна – просить помощи больше было не у кого. Родители умерли давно, брат уехал за границу и пропал, увлеченный своей новой жизнью. Друзья... Друзья остались в Чикаго. Но почти никого из них я не могла назвать хорошими.

Чертов переезд! И зачем я только послушала Грегори и повелась на его: «начнем жизнь с начала в большом городе!»

Надо было еще тогда почуять неладное.

А Эндрю?

Мой мальчик. Ему всего два. Он не понимает, почему мама больше не смеется, почему папа не приходит. Он просто строит башенки из кубиков и улыбается мне.

Прошел еще день. Еще один невыносимо тяжелый день.

Продукты закончились быстро.

Мы с Грегори никогда не запасались. Переживали, чтобы продукты не портились, всегда заказывали доставку.

Я вспомнила, как он смеялся над моими попытками купить что-то про запас: «Зачем? Мы же не беженцы, всегда успеем сходить в магазин. Тем более, что он теперь под боком».

И теперь я понимаю, какой большой ошибкой это было.

В холодильнике – пусто. В шкафу – пачка гречки и полбанки детского пюре. Для доставки уже поздновато, да и лишних денег на нее нет, зато круглосуточный рядом.

Я посмотрела в окно. На улице пошел снег, люди спешили с пакетами, смеялись. Где-то зажглись гирлянды. А мне хоть самой вешайся на одной из них.

Но делать нечего.

Придется выходить.

Глава 2

Я натянула на Эндрю куртку, тщательно застегивая каждую пуговицу, поправила шапку, чтобы ушки были закрыты, и трижды проверила, не забыла ли кошелек. Деньги – последние, что лежали в кошельке на «всякий случай», жалкие бумажки, которых едва хватит на самое необходимое. Но голодный ребенок не может ждать до завтра, его большие глаза смотрят с надеждой, а маленький животик уже урчит.

– Ма-ам! – закапризничал малыш, выгибаясь всем телом, когда я попыталась усадить его в тележку. Его пальчики вцепились в край сиденья, а ножки уперлись в холодный металл.

– Ты же любишь кататься, помнишь? – уговаривала я, стараясь говорить мягко, но в голосе уже прокрадывалась усталость. – В прошлый раз тебе так понравилось, ты даже не хотел вылезать.

– Не-е! – он мотал головой, его темные волосики, торчащие из под шапки, разлетались в разные стороны.

Вокруг нас проходили люди, бросали взгляды – кто-то улыбался снисходительно, будто вспоминая свои родительские будни, кто-то морщился, раздраженно цокая языком, мол, мамаша, вы что, не можете успокоить свое чадо? Я чувствовала себя неуклюжей, нелепой с этими растрепанными волосами, без макияжа, с плотно натянутым капюшоном, который никак не скрывал моего изможденного лица.

– Хорошо, хорошо, – сдалась я, вынимая его из тележки и вздыхая. – Но тогда держись за руку. Ты же большой мальчик, да?

Он кивнул серьезно, будто в самом деле понимает, о чем я говорю, схватил меня за палец всей ладошкой, и мы медленно пошли между полок, заставленных яркими упаковками, каждая из которых прямо кричала «купи меня».

Магазин был переполнен не смотря на поздний час. Люди скупали все подряд – шампанское, закуски, сладости, будто готови-

лись не к обычному вечеру, а к какому-то грандиозному празднику. У всех были списки, все знали, что им нужно, уверенно двигались между рядами, наполняя корзины. А я стояла и соображала, как растянуть две двадцатки на несколько дней, чтобы хватило хотя бы на самое необходимое. И почему я не носила с собой наличку? Это ведь буквально безопаснее, чем пластиковая карта!

– Мама, сёк! – Эндрю вдруг потянулся к яркой коробке с яблочным соком, вырывая меня из размышлений.

– Не сегодня, солнышко, – ответила я, осторожно забирая коробку и возвращая ее на полку.

– Атю-ю! – его голос начал дрожать, губы дернулись, а в глазах появились предательские слезинки. Я знала, что сейчас будет истерика – та самая, от которой сжимается сердце, но терпеть которую уже нет сил.

«И снова на нас уставятся...»

– Хорошо, – прошептала я, хватая коробку и кладя ее в тележку. – Но только один.

В конечном итоге положила еще три. На всякий случай.

В тележке уже лежали хлеб, молоко, пара банок детского питания, дешевые макароны и банка тушенки – скудный набор, которого едва ли хватит. Но ко всему прочему я взяла еще пачку печенья – на случай, если Эндрю проснется ночью и захочет есть, а у меня не будет сил встать.

Из магазина я вышла, держа мальчонку на руках. Он прижимался ко мне, сжимая в ручках коробку сока. Другая рука была занята пакетом, который тянул плечо вниз, напоминая о том, как мало у нас осталось.

«Надо бы срочно заняться продажей машины и...» – мысль оборвалась, как только я увидела их.

Два мужчины стояли у нашего дома, курили, о чем-то переговаривались, и смотрели прямо на меня. Высокий и худой, как жердь, с пронзительным взглядом бросил окуроч, раздавил его ботинком и медленно улыбнулся.

Другой – низенький и толстый, с неприятным, отталкивающим лицом, хмыкнул. Оба выглядели уже ближе к преклонному возрасту.

– Эванс? – спросил высокий.

Я замерла на месте, почувствовав, как по спине пробежал холодный пот, а в горле пересохло. Эндрю инстинктивно прижался ко мне сильнее, словно чувствуя исходящую от них опасность, а его маленькие пальчики вцепились в мою куртку.

– Вы кто? – мой голос прозвучал резко, почти грубо, но внутри все сжалось в тугую комок страха.

Низенький мужчина ухмыльнулся, обнажив ряд желтых, неровных зубов, а его взгляд скользнул по мне больше оценивающе.

– Коллеги вашего мужа, – сказал он, нарочито медленно растягивая слова, будто наслаждаясь моей реакцией. – Очень хотели бы с ним поговорить. Но, видимо, он уже... исчез? Мы угадали?

Высокий не спеша достал из кармана вторую сигарету, закурил, выпустив струйку дыма в вечерний воздух и произнес:

– А вот вы – нет.

Я инстинктивно сделала шаг назад, но толстяк ловко перегородил дорогу.

– Не спешите. Мы просто хотим поговорить.

– О чем?

– О долгах.

– Я ничего не знаю о его делах, – прошептала я, чувствуя, как дрожат руки, а пакет вот-вот выскользнет из пальцев. Еще бы устоять на ногах и не потерять сознание – было бы просто великолепно.

– Очень жаль, – высокий вздохнул почти театрально, выпуская клубы дыма мне прямо в лицо. – Потому что долги – теперь ваши.

Толстяк вдруг протянул руку, собираясь потрепать Эндрю по щеке, и я резко отпрянула в другую сторону, прижимая сына к себе так сильно, что он тихо вскрикнул.

– Не трогайте его!

– Ой, какая нервная, – засмеялся он, – Ладно, сегодня мы просто предупредили. Завтра придем с бумагами.